

Сирийский кризис выявил пределы российской силы

Когда в 2015 году Москва начала прямую военную интервенцию в Сирии против баз ИГИЛ и в поддержку режима Башара Асада, это было воспринято как знак возрождения России как великой державы: это было первое военное развёртывание в зоне боевых действий за пределами территории бывшего СССР со времён вывода войск из Афганистана в 1989 году.

Певцы воскресения

Сергей Караганов, почётный председатель Совета по внешней политике и обороне (СВОП) и сегодня один из самых ярких сторонников войны на Украине, писал, что эта акция укрепила международное положение России, сделав 2015 год *«одним из самых удачных в истории российской внешней политики»* (*«Россия в глобальной политике»*. 2016. № 2).

Дмитрий Тренин, тогдашний глава Московского центра Карнеги, закрытого властями в 2022 году, возвращался к этой теме в своей книге 2018 года *“What is Russia up to in the Middle East?”*: Москва вернулась на мировую арену после 25-летнего отсутствия, продемонстрировав *«сочетание реализма, сильной политической воли, знания региона, дипломатических навыков и армии на высоте положения»*; то, что она стремится построить в евразийском ближнем зарубежье, – это *«система отношений, в которой больше не доминируют США и которая не находится в тени одного “местного” гегемона, Китая»*, – замечание, которое нельзя не отметить. Однако в этой связи он также отдавал себе отчёт об ограниченности возможностей России, вызванных *«недостаточными экономическими и финансовыми ресурсами»*.

Тезисы Генри Киссинджера

Эти тезисы, широко распространённые в России, а также подхваченные на Западе, были, так сказать, *“наступательной”* стороной мотивации интервенции. Однако наряду с ней не следует забывать и об *“оборонительной”* стороне: способе защиты от пугающего распространения терроризма со Среднего Востока на сферу влияния России, а то и на неё саму.

Этот аспект использовал в своём анализе того времени и Генри Киссинджер. Мы писали об этом на данных страницах в октябре 2015 года (теперь в книге *“Crisi dell’ordine e pandemia secolare”*, Ed. Lotta Comunista, 2021). Бывший госсекретарь исходил из того, что российская интервенция *«является последним симптомом утраты американской роли в стабилизации порядка»* в регионе; это позволило осуществить *«беспрецедентное в истории России развёртывание»*, вызов для США, с которым они не сталкивались *«по крайней мере последние четыре десятилетия»*. При этом Киссинджер признавал обоснованность российских интересов в Сирии, связанных с необходимостью предотвратить превращение этой страны в базу для суннитского терроризма, подвергая риску Кавказ и мусульманские регионы России. Короче говоря, пишет Гуидо Ла Барбера, это был способ *«отодвинуть суннитскую угрозу от российских границ»*.

Риск терроризма

Эта тема не сходит с уст россиян с начала *“арабской весны”* в 2011 году. Руслан Пухов, директор Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), отметил *«общее пессимистическое восприятие»* в России последствий *“весны”*, именно в части рисков террористических действий: *«после многих лет исламского терроризма на Северном Кавказе российское общественное мнение на стороне Асада»* (*Moscow Times*, 16 августа 2012).

Сам Владимир Путин, выступая 15 сентября 2015 года в Совете коллективной безопасности (высший орган ОДКБ), военной структуре, созданной странами бывшего СССР, говорил о том, что его беспокоит *«возможный возврат»* терроризма *«на наши территории»*. Спустя две недели, 30 сентября, были совершены первые российские авианалёты на ИГИЛ и другие группировки, противостоящие режиму.

В тот же день, 30 сентября, Василий Кашин, также связанный с ЦАСТ, писал, что ИГИЛ укрепило свое влияние в Афганистане и бывших республиках СССР в Центральной Азии. Из этого он делал вывод, что перед Москвой стоят два варианта: бороться с ИГИЛ сейчас на

Среднем Востоке или сделать это завтра на Кавказе и в Средней Азии, где потребуются наземные операции, что может привести к многочисленным жертвам. Вынужденный выбор. В конце того же года Андрей Сушенцов, впоследствии директор Института международных исследований Университета МИД РФ (МГИМО), резюмировал три цели, которые Москва намеревалась достичь этой инициативой: ликвидировать инфраструктуру исламистского радикализма до того, как он сможет развиться на границах России; поддержать сирийского союзника, гарантирующего Москве выход к Средиземному морю; дать понять, что Россия вернулась в число великих держав мира (“Валдай”, 1 декабря 2015).

Собака и хвост

Через десять лет после “арабской весны”, в 2021 году, Андрей Картунов, тогдашний генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД), подведёт первоначальный итог этой инициативы. Россия могла считать себя победителем только *«тактически»*, получив роль в регионе с помощью низкобюджетной военной операции, но за пять лет она так и не смогла разработать стратегию выхода. Отсюда вопрос о реальном влиянии, которое Москва смогла оказать на режим в Дамаске: *«Кто всё-таки вертит кем – собака хвостом или хвост собакой?»* (РБК, 15 марта 2021). Иными словами, Картунов выражал сомнение, не оказалась ли Москва вовлечена в сирийский кризис на уровне, превышающем её волю и возможности.

Вскоре после этого война на Украине поставит Кремль перед проблемой выбора: как рационально использовать свои силы. В середине сентября 2022 года, после заключения соглашения с Турцией, последние российские войска покинут Сирию. В 2018 году их численность составляла 63 тысяч человек (*Moscow Times*, 15 сентября 2022).

Средиземноморье и Африка

Теперь падение режима Асада представляет собой несомненный шах для Москвы. Судьба военно-морских и военно-воздушных баз на сирийском побережье – это лишь самый заметный аспект: он касается российского присутствия в Средиземноморье, а также его проекции на Центральную Африку. Николай Сухов, арабист из ИМЭМО, Института мировой экономики и международных отношений, ранее возглавляемого Евгением Примаковым, подчёркивает, что *«ни один наш транспортный самолёт туда долететь напрямую сейчас не может»*, поэтому *«наша активная работа с африканскими странами сегодня напрямую логистически зависит от Сирии»* (“Россия в глобальной политике”, 8 декабря 2024).

Вот почему Москва продолжает вести переговоры с Дамаском и особенно с Анкарой, но в то же время с осторожностью и не без проблем рассматривает возможность продвижения к Киренаике. Джалель Харчауи, исследователь лондонского аналитического центра RUSI, отмечает, что для того, чтобы добраться до Ливии, российским самолётам придётся запрашивать разрешение на пролёт у Турции (*Le Figaro*, 27 декабря 2024). Отношения с Анкарой имеют черты двойственности, в них есть основания для сотрудничества, такие как транзит газа, но имеются и точки напряжённости: например, на Кавказе, где Турция поддерживала Азербайджан в войне с Арменией за контроль над Нагорным Карабахом.

Стратегическая проблема

Проблема, с которой Москва сейчас сталкивается на Среднем Востоке, имеет, однако, ещё более общий характер: если интервенция в Сирии была воспринята как возрождение российской мощи, то как теперь следует воспринимать уход оттуда? По этому поводу в Москве идёт открытая дискуссия.

Пухов, чьи заявления 2012 года мы уже цитировали, сегодня на примере Сирии говорит о наличии серьёзных ограничений интервенционистской и *«великодержавной»* политики России: *«У Москвы нет достаточных военных сил, ресурсов, влияния»*, она может действовать только *«при снисходительном допущении со стороны других сильных держав»* (“Коммерсантъ”, 8 декабря 2024).

По мнению Картунова, Россия лишилась своего *«главного козыря»*, утратив роль единственной крупной державы в Сирии, *«но всё же сохраняет несколько сильных карт»*, учитывая её долгое присутствие в регионе со времён СССР. В этом, не будем забывать,

сыграл свою роль и Примаков, который именно на Среднем Востоке начал свою деятельность, официально как журналист, на самом деле как сотрудник КГБ. Картунов, однако, называет и основную угрозу: учитывая этническую и религиозную сложность, пишет он, Сирия может стать вторым Сомали, то есть несостоявшимся государством, охваченным междоусобицами и восстаниями против центрального правительства (“Коммерсантъ”, 9 декабря).

Стратегическое перепозиционирование?

Наиболее глубокий комментарий прозвучал от Фёдора Лукьянова, председателя СВОП и редактора журнала “Россия в глобальной политике”. Приведём его рассуждения, которые 10 декабря 2024 года опубликовал сперва журнал “Профиль”, а затем правительственное медиа *Russia Today*. Россия использовала своё военное присутствие для расширения влияния на Среднем Востоке и в Африке, и в этом смысле крах сирийского государства – это провал. Но в этом есть и возможность: *«Россия как внешняя по отношению к этой части мира страна имеет возможность уйти (Иран такой роскоши позволить себе не может)»*.

По мнению Лукьянова, Москва может использовать кризис для корректировки своих обязательств и стратегического репозиционирования. Где? На Украине – экзистенциальный вызов, *«здесь уже Россия выступает в роли игрока, который, как бы ни складывались обстоятельства, не может смотреть удочки и уйти»*. Вывод он делает следующий. Тогдашний президент США Барак Обама назвал Россию *«региональной державой»*, используя это как оскорбление. Однако сегодня, в условиях фрагментированного мира, *«державы региональные, обладающие влиянием в непосредственной прилегающей к ним зоне, обеспечивают себе устойчивость и базу для развития»*. Поэтому, считает Лукьянов, укрепление роли доминирующей региональной державы должно быть целью Москвы. И регион, в котором Россия может и должна выполнять эту роль, – это её *ближнее зарубежье*, территория бывшего СССР. Именно там должна быть сосредоточена энергия, поскольку именно там решаются *экзистенциальные проблемы*.

С учётом той роли, которую Лукьянов играет в московском истеблишменте – возглавляемый им Совет работает в сотрудничестве с администрацией президента, министерствами иностранных дел и обороны, – его анализ заслуживает внимания. Он, безусловно, свидетельствует о том, что в высших эшелонах власти идёт дискуссия между теми, кто призывает сохранить активную проекцию на Средний Восток и Африку, и теми, кто предлагает перестроиться и сосредоточиться на жизненно важных направлениях. Развитие событий на местах, на Среднем Востоке и особенно на Украине, позаботится о том, чтобы дать ответы на дилеммы, которые ставят перед Кремлём *пределы власти*.

Январь 2025 г.